

Ю. А. АХМЕДОВА

Эгофутуризм Игоря Северянина

Стилистические особенности произведения Игоря Северянина во многом обусловлены реализацией лозунгов эгофутуризма: «1. Душа — единственная истина. 2. Самоутверждение личности. 3. Поиски нового без отвергания старого. 4. Осмысленные неологизмы. 5. Смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы. 6. Борьба со «стереотипами» и «заставками». 7. Разнообразие метров»¹.

1. В основе лирики И. Северянина лежит отражение эмоций и ощущений. Именно поэтому душа — основной концепт его творчества. Тем не менее в первых сборниках «душа» — часто лишь литературный штамп. «Душа поэта» («Эст-Тойла»), «душа певца» («Раз навсегда»), «пыланье молодой вдохновенной души» («Врубелю») — частые образы русской классической поэзии. Северянин, говоря «душа поет» («Весенний день»), использует художественно-поэтическую фразеологию XIX века. Но в лучших произведениях северянинская «душа» приобретает яркую индивидуальность и становится постоянно меняющейся сущностью. Она способна заключать в себе миры («Роллан»). Ее можно «погрузить в букет цветов» («Букет забвенья») или в «кружева вспененные» («Шопен»). «Душа вселенной» помещается в человеке («Тагор»), «вселенская душа» «в ненастный день взойдет как солнце» («Эпилог»). Глобальность, постоянная трансформация — неотъемлемые атрибуты концепта. Северянинская «душа» подобна воде: может литься («Диссо-рондо»), иссякнуть («Байкал»), в ней поток («Поэза маковых полей»), она солоня прибоем («Крымская трагикомедия»). Материализация, метаморфоза позволяют принимать душе любые

формы и проявления: «грааль» («Уайльд»), «поэма» («Лермонтов»). Ассоциативный ряд ведущего концепта образно-эстетической системы основоположника эгофутуризма обусловлен полирецепторным восприятием, и невещественное становится вещественным, осязаемым, видимым и способным совершать действия.

Особенность концепта «душа» — включение этимологически близких структурно-семантических полей «воздух», «дыхание», «дух»: «Как дышит ночь душисто в душу Ванде!» («Ванда»); «Душа и воздух скованы в кристалле» («Бунин»). Итак, северянинская «душа» подобна воде и воздуху. «Прозрачность», физическое качество воздуха и воды, понимается как ясность смысла и «чистота». Семантика «прозрачности» — яркий положительный оценочный маркер: «Я говорю прозрачно» («Солнечный дикарь»); «В те времена, когда роились грезы // В сердцах людей, прозрачны и ясны» («Классические розы»). Разнообразие входящих в концепт «душа» структурно-семантических полей подтверждает его значимость для И. Северянина. Обращение к «душе» не просто дань традиции, декларативный лозунг. «Душа» — сущность всего, самое главное, «единственная истина».

2. «Самоутверждение личности» — лозунг, декларативно заявленный в стихотворении основоположника эгофутуризма «Эпилог». Поэт, уподобляет себя Иисусу Христу, сыну Бога: «Среди друзей я зрил Иуду, // Но не его отверг, а месть». Для этой темы автором найдены языковые эквиваленты. Старославянские элементы («повсеград-но», «взорлил», «тлен»), библейские образы («голубь», «змея», «прозрение»), призыв

к всеобщей любви (см.: «Лети голубка смело к змею! // Змея обвей орла в ответ!» — срав.: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком и барс будет лежать вместе с козленком... И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Исайя 11, 6–8)) подтверждают мотив пришествия нового пророка, равного Иисусу. «Эпилог» эпатирует читателя. Но смысл «Эпилога» в том, что человек способен на многое, нужно только сказать «Я буду!».

Лозунг «Самоутверждение личности» реализуется в стихотворениях поэта, развивающих классическую тему русской поэзии XIX века «Поэт и толпа»: «Поэт», «Раз навсегда», «Сонет» и т. д. По стилистике и семантике они близки произведениям М. Ю. Лермонтова и А. С. Пушкина. Ассоциативно возникают в памяти строки из пушкинских «Поэт и толпа», «Поэту». Мотивы избранности и единичности, противопоставленности себя другим, «толпе» являются общими для вышеперечисленных стихотворений и знаменитого «Эпилога». В «Эпилоге» автор бравурен, резок, сочетает язык века XX, неологизмы с ярко выделяющейся и не менее экспрессивной старославянской лексикой. А по сути «Эпилог» — одно из стихотворений, посвященных теме «Поэт и толпа» и связанных единым пафосным началом. Только в «Эпилоге» все подчеркнуто гротескно, эмоционально, экспрессивно и эпатажно.

Подлинное самоутверждение личности как таковой релевантно для позднего творчества И. Северянина, цикла «Медальоны» и поэмы «Солнечный дикарь». В «Медальонах» (цикл посвящен поэтам, писателям, композиторам) автор, обращаясь к творчеству своих героев, стремится отразить величие и красоту человеческой души, живительную силу искусства, нравственные и эстетические идеалы. Истинным человеколюбием, уважением к человеческой личности, отрицанием убийства проникнуты строки «Медальонов» и «Солнечного дикаря».

3 и 4. Лозунг эгофутуризма «Поиски нового без отвергания старого» отражает влияние

русской классической литературы XIX века на лирику И. Северянина. Преемственность проявляется в интертекстовых связях, общности тематики («Поэт и толпа», «Роль поэта в обществе»), употреблении книжной речи, архаизмов, старославянизмов и варваризмов (вкрапление в текст отдельных французских слов и фраз свойственно многим писателям XIX века и релевантно для И. Северянина). Как упоминалось ранее, стилистическая отнесенность части фразеологии основоположника эгофутуризма обусловлена художественно-поэтической фразеологией XIX века. Когда в «литературном языке» установился «ряд типических выражений, делавшихся далее предметом... подражания для авторов последующих... Поэт не пишет стихов, а поет их. Символ его творчества лира»². «За струнной изгородью *лиры*» И. Северянин «провозглашается королем», его «лира» «плачет», «хохочет», «славит». Характерны и метафоры «с заранее готовой образностью» с семантикой «пения»: «Но большинство из лириков — без *лиры*, // И песни их звучат не из груди» («Собратья») и т. д. Преемственность проявляется в использовании абстрактной лексики, в том числе персонифицированной. Сравним: «Веселых призраков влекла: // Любовь с прелестными дарами, // С алмазным Счастьем ключом, // И Слава с звездными венцами» (В. А. Жуковский «Мечты»), «Несчастьем верная сестра, Надежда в мрачном подземелье» (А. С. Пушкин «В Сибирь») и «Да царят над миром Солнце и Любовь» (И. Северянин «Пляска Мая»), «Моя принцесса — моя Мечта» (И. Северянин «Увертюра»). Для персонификаций века XIX характерны торжественность, высокая эмоционально-экспрессивная окраска и аллегоричность, а значит, статичность ассоциаций. И. Северянин (особенно в позднем творчестве) воспринимает персонифицированные понятия как оживающие и способные к действиям сущности, не статичные и не предсказуемые: «Когда в поэты тщится Пастернак // Разумничает Недоразуменье» («Пастернак»), «Когда же свой оскал явила Смерть...»

(«Блок»), «Теперь тебя, свои покинув норы,
// Готова славить даже Суета» («Бетховен»).
Опираясь на традиции русской литературы,
основоположник эгофутуризма создает
собственную образность, отражающую его
картину мира.

Интересно у И. Северянина строение некоторых групп неологизмов. Передавая при построении целостного образа оттенки смысловых элементов, автор использует сращение наречий и имен прилагательных (наречий) при дефисном написании слова. Метафорические эпитеты отражают авторскую оценку образа, видение и ощущение (синестезия образного ряда) мира: «море *благостно-закатно*», «улыбка *безлучно-стальная*», «воздух *лазурно-крылат*», «*лилово-изнеженный* крен», «*ало-желчный* лесосон» и т. д. Поэт максимально наполняет слово, совмещая наглядно-чувственные и понятийно-логические компоненты. Неразрывность впечатления, внутреннее единство, гармония метафоры подчеркиваются дефисным написанием сложных прилагательных. Данный способ словообразования «на русской почве широкое развитие получил особенно под пером Жуковского»³. И. Северянин дает понятие новой поэтической содержательности, создавая «новое без отвергания старого». Занимаясь словотворчеством, автор активно использует сложение и интерфиксацию (старославянский по происхождению способ деривации): «оркестромелодия», «эготворчество», «златоподень», «юнокудрость» и т. д. Образование глагола и глагольных форм от существительного при помощи префикса *о-* — характерный северянинский прием — более оригинален. Префикс передает семантику метаморфозы, изменения действительности (природы) и полного, глубокого восприятия этого человеком: «Июль блестяще *осенокочен* (...) Я *онебесен!* Я *онездешен!*» («В *осенокоченном* июле»). Для современного русского языка и литературы XIX века такая словообразовательная модель не продуктивна. Но в «Полном Церковно-Славянском словаре» (1900) Г. Дьяченко много подоб-

ных примеров: «*онебесити*», «*онеистовити*», «*онеплодствитися*». Богатство русского, церковнославянского языков и талант словотворчества послужили основой для создания оригинальных, эмоционально окрашенных, наполненных экспрессией окказионализмов.

И. Северянин, стилизуя текст, зачастую включает образность героев своих произведений и с помощью деривации превращает ее в элемент собственного идиостиля, например: «Его уста — *офрозненная* язва» («Уайльд»). Окказиональный оксюморон «*офрозненная* язва» — аллюзия на «Балладу Редингской тюрьмы» О. Уайльда, в которой из мертвого тела персонажа прорастает «Из сердца — стебель белой розы, // И красной — изо рта». В идиостиле И. Северянина интертекстовые связи, элементы поэтики XIX века органично сочетаются с авторскими образами, тропами, фигурами, окказиональной лексикой.

5. Лозунг «Смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы» требует пояснения. Под «ассонансами» И. Северянин понимает созвучие, повтор гласных или согласных звуков, под «диссонансами» — сочетание звуков, вызывающих ощущение несогласованности. Семантико-фонетические единства с элементами какофонии встречаются в его произведениях не часто — например: «Так: ядосмех сменяла скорби спазма» («Уайльд»). Какофонический эффект (переизбыток свистящих) иллюстрирует отрицательную семантику слов, передает чувства героя или автора, показывает, какова эта «скорби спазма».

Ассонансы, как стремление к внутренней гармонии стиха, релевантны для основоположника эгофутуризма и являются доминирующим фонетическим приемом в тексте: «Месяц гладит камыши // Сквозь сирени шалаши... // Все душа, и ни души. // Все — мечты, все — божество, // Вечной тайны волшебство, // Вечной жизни торжество. // Лес — как сказочный камыш, // А камыш — как лес-малыш. // Тишь — как жизнь, и жизнь — как тишь. // Колыхается туман — // Как

мечты моей обман, // Как минувшего роман... // Как душиста, хороша // Белых яблонь пороша... // Ни души, и все — душа» («Nokturn»). Многоуровневая аллитерация. «Ш» доминирует (звук входит в ведущий концепт творчества и стихотворения — «душа»). Аллитерации второго порядка («в», «к», «м», «д», «с»), организуют семантико-фонетические поля терцетов. Ноктюрн — многочастное инструментальное музыкальное произведение, каждый звук сонета ассоциируется с голосом какого-либо инструмента, сопровождающего основное звучание «ш» в своем терцете. Аллитерация «ш» организует мелодику стиха, передает основные тоны — легкий шелест камыша, звучание ночной тишины («Nokturn» от латинского *nocturnus* — ночной). Музыкальность определяется и перетекающими друг в друга, плавно меняющимися ассонансами: «а», «ы», «у» (первый терцет), «о», «е» (второй терцет), «е», «а», «ы» (третий терцет) и т. д.

Значение «ассонансов» разнообразно: конструирование семантико-фонетических единств, ассоциативных и интертекстовых связей, горизонта ожидания, эмоционально-экспрессивное окрашивание текста, передача звучания и затихания, отсутствия звука.

Первая часть лозунга «смелые образы и эпитеты» реализуется через метафоры, сравнения, прозопопеи, ассоциации, синестетические образы, противопоставления и оксюмороны. Все это представляется поэтической трансформацией потока ощущений: «Все эти краски ароматов, всю филигранность настроений // Я ощущаю белой ночью у моря, спящего в стекле, // Когда, не утопая, тонет лимон луны в его сирени // И, от себя изнемогая, сирень всех нежит на земле» («Berceuse сирени»). Конкретизация лексики, ее овеществление, объясняется полирецепторным восприятием автора. Синестезия образного ряда — характерная черта идиостиля И. Северянина. Для него свойственно восприятие нематериального, невещественного как материального («филигран-

ность настроений»), обладающего цветом («краски ароматов»), движением («лимон (отражение) луны тонет»), запахом и способным иметь человеческие качества и эмоции («сирень (цвет моря) нежит»). Эмоции, чувства часто передаются метафорой со значением «течения», «воды», что подчеркивает полноту, всеобщность потока ощущений: «И цветущей волной деревень // Заливает нас в мае сирень» («На земле в красоте»), «Слух *ьет* узор нюансов увертюры» («Тома»), «Еще хрустальные *сочатся* капли // Ключистого таланта босяка» («Горький»). Метафоричность речи обусловлена не желанием украсить стих. Метафора — это *перенесение информации на другой уровень понимания*⁴, восприятие информации на другом уровне ощущения. Троп *звучит*, когда человек не просто говорит, но и чувствует подобным образом.

6. Лозунг «Борьба со «стереотипами» и «заставками» репрезентуется как стилистическая установка: «А потому, что явный вызов // Условностям — в моих стихах // И ряд изысканных сюрпризов // В капризничаящих словах. //... Бранили за смешенье стилей, // Хотя в смешенье-то и стиль! // Чем, чем меня не угостили! // Каких мне не дали «pastilles!» («Двусмысленная слава»). А стилистическая установка отражает картину мира. Реальность поэта полна противоречий и многогранна, и для него релевантна контаминация различных приемов и тропов. Многослойность конструкций компаративных тропов представляет объемное видение мира, каждая часть и движение которого конструируются определенным лингвистическим элементом, имеющим одну или несколько функций. Постоянно изменяющийся мир и восприятие мира человеком лежат в основе лирики И. Северянина, что явно декларируется в стихотворении «Гармония контрастов»: «Познал восторг — познай страданье. // Раз я меняюсь — я живу... // Застыть пристойно изваянью, // А не живому существу!» Строки фактически дублируют утверждения французского философа Анри Бергсона (1859–1941) из книги «Твор-

ческая эволюция»: «Мы только ищем точный смысл, какой придает наше сознание слову «существовать», и мы находим, что для сознательного существа это значит изменяться...», «Ибо «я», которое не меняется, — не длится; и психологическое состояние, остающееся тождественным самому себе, пока не сменится следующим состоянием, — также не длится»⁵, т. е. перестать изменяться — значит перестать жить. Влиянием философских воззрений А. Бергсона также можно объяснить сложность и многослойность конструкций фигур и тропов в лирике основоположника эгофутуризма.

Лозунг «Борьба со «стереотипами» и «за-ставками» подтверждается созданием оксюморонов, демонстрирующих оригинальность мышления автора и парадоксальность действительности. А в ней «разумничает Недоразуменье» («Пастернак»), ее заполняет «живучая нежить» («Прутков»), а «животворящие лучи» солнца «смертельны» («Сологуб»). Однако человек может «любить Любовь и Смерть» («Блок») и «воплощать невоплощаемое» («Бетховен»). Многообразии оксюморонов — не только следствие обостренного и контрастного восприятия мира, но и попытка объединить противоречия, создав его единую картину.

7. Лозунг «Разнообразие метров» И. Северянин реализует, экспериментируя с различными стихотворными формами. Стансы, триолет, октава, рондо, рондель, секстина, квинтина, сонет и т. д. широко представлены в его лирике. Классические размеры любимы основоположником эгофутуризма, о чем он пишет в «Поэзе о старых размерах». Следу-

ет отметить жанровое разнообразие и синестезию при создании новых стихотворных форм/жанров: «Nokturn», «Verseuse», «Интермеццо», «Увертюра», «Хабанера», «Рондо», «Фантазия», «Серенада» непосредственно связаны с музыкой; «Эскиз», «Акварель» как преломление зрительных ассоциаций раскрывают цветовую гамму образов. Баллады, элегии характеризуют И. Северянина как наследника русской и общеевропейской литературной традиции, газаллы содержат элементы поэзии Востока. Оригинален жанр поэмы. Отличительные черты: экспрессия, эмоциональность, глобальность настроения или смысла, динамика в развитии темы, четкость образов, стремление к оригинальности рифм, устремленность в будущее, лиризм, ярко выраженная позиция «я», харизматичность образа автора. Стремление к оригинальности рифм, разнообразию рифмовки и жанров, мастерское владение просодией текста и мелодикой стиха представляют Игоря-Северянина одним из талантливейших поэтов XX века.

¹ Северянин И. Стихотворения и поэмы. М., 1990. С. 384.

² Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX. Киев, 1957. С. 27.

³ Там же. С. 328.

⁴ См.: Флоря А. В. Русская стилистика : Словообразование. Лексикология. Семантика. Фразеология : курс лекций. Орск, 2003. С. 47.

⁵ Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2001 (<http://bergson-a.megalib.ru/megadate/bergson/1.html>).

Новые книги

Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке [Текст] / под общ. ред. Б. Г. Юдина. — М. : Прогресс-Традиция, 2007. — 366 с.

Человеческий потенциал как критический ресурс России [Текст] / отв. ред. Б. Г. Юдин. — М. : ИФ РАН, 2007. — 175 с.

Ковалев, П. А. Российская телевизионная аудитория / П. А. Ковалев. — М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2007. — 208 с.